

УДК 81'1

ББК 81.0

Б 24

Баранова А.Ю.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: ilsavo@mail.ru

Четверикова О.В.

Доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики Армавирской государственной педагогической академии, e-mail: chetverikova_o@mail.ru

Текстообразующий потенциал обособленных членов предложения (Рецензирована)

Аннотация:

Цель данного исследования - на примере анализа текстовых фрагментов, включающих в свой состав предложения с обособленными приложениями и определениями, выявить текстообразующие возможности этих синтагматически отчленённых конструкций. Делается вывод, что их выход за рамки изолированного предложения объясняется тем, что обособленные члены становятся своеобразной точкой отсчёта для последующего развёртывания мысли. Научная новизна определяется тем, что предложен новый подход к изучению роли обособленных членов предложений в построении текста. Использовались описательный метод, метод лингвистического наблюдения для анализа контекстуального материала. Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты его могут быть использованы при анализе художественного произведения и лингвистического анализа текста. Предложенная методика может быть использована при изучении семантики предложения и текстообразующих возможностей обособленных членов предложения.

Ключевые слова:

Обособление, приложение, собственно определение, текстообразование, лексический повтор, синонимическая лексика, семантическое поле, союзные средства связи.

Baranova A.Yu.

Candidate of Philology, Associate Professor of General Linguistics Department of the Adyghe State University, e-mail: ilsavo@mail.ru

Chetverikova O.V.

Doctor of Philology, Professor of Department of National Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical Academy, e-mail: chetverikova_o@mail.ru

Text-forming potential of the loose parts of the sentence

Abstract:

The objective of this research is to reveal the text-forming opportunities of syntagmatically detached constructions by using an example of the analysis of the text fragments with sentences including loose appositions and attributes. It is inferred that their exit beyond a framework of the loose sentence is explained by that the loose parts become a peculiar reference point for the subsequent expansion of a thought. Scientific novelty is

related to a new approach which is offered to study a role of the loose parts of the sentence in creating the text. The descriptive method and a method of linguistic supervision for the analysis of contextual material are used. The practical consequence is that the results of research can be used in the analysis of a work of art and in the linguistic analysis of the text. The offered technique can be used in studying semantics of the sentence and the text-forming opportunities of loose parts of the sentence.

Keywords:

Loose part, apposition, definition itself, text formation, lexical repetition, synonymic lexicon, semantic field, conjunction devices of communication.

В русистике все больше внимания уделяется проблемам сложных отношений динамики в языке и речи. Предложение изучается не только как предельная целостная единица речевого общения, но и как составная часть, строительный материал текста [1: 114], что позволяет раскрыть двоякую диалектическую природу предложения: с одной стороны, это синтаксическая форма, модель, шаблон, обладающий относительной самостоятельностью, а с другой – часть более сложного единства. Задача данного исследования – описать текстообразующие возможности обособленных приложений и определений в художественной речи.

Художественный текст как продукт эстетической деятельности есть «коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее структурно-смысловым единством, обусловленным авторскими интенциями, являющееся носителем эстетических идеалов, воплощённых в художественных образах, и представляющее собой специфическую модель отношения к миру, возникшую в результате когнитивной, духовно-нравственной и эстетической деятельности художника слова» [2: 43-44]. В окончательном виде текст создаётся последовательностью связанных между собой предложений и сверхфразовых единств, образующих единое семантическое, а точнее – семиотическое пространство.

Как известно, по характеру связи между предложениями все тексты разделяют на тексты с цепными, параллельными и присоединительными связями.

Для предложений, осложнённых обособленными определениями и приложениями, типично использование цепных связей, ибо они в наибольшей степени соответствуют специфике мышления, особенностям соединения суждений. «Там, где мысль развивается линейно, последовательно, где каждое последующее предложение развивает предшествующее, как бы вытекает из него, цепные связи неизбежны» [3: 154]. В художественном тексте цепные связи выражаются: а) через лексический повтор; б) посредством синонимической лексики; в) с помощью различных местоимений; г) посредством союзов, вводно-модальных слов; д) с помощью слов, формирующих с обособленным членом одно семантическое поле. Сказанное подтверждают следующие примеры:

... барчук, игравший с **Любкой**, смеясь, поднялся с соломы. **Любка**, поправляя волосы, глядела спокойно (А. Бунин. «Игнат»);

В низеньком, но опрятном деревянном домике <...> жила старушка, **вдова одного чиновника**, служившего не помню в какой из коллегий. Оставляя службу, **он** купил этот домик и намерен был завести небольшое хозяйство; но кончина помешала исполнению дальних его замыслов; **вдова** вскоре нашла себя принужденною продать всё, кроме дома, и жить малым денежным достатком, накопленным невинными, а, может быть, отчасти и грешными трудами **покойного**. (В. Титов. «Уединенный домик на Васильевском»).

В первом текстовом фрагменте меж-

фразовая связь осуществляется с помощью обособленных определений: наблюдается использование автором такого приёма, как лексический повтор: в соположенных предложениях повторяется «слово-тема» (термин Г.Я. Солганика, там же): *барчук, игравший с Любкой. Любка глядела спокойно*. Во втором фрагменте обособленное распространённое приложение *вдова одного чиновника* анафорически связывается с последующим предложением: номинация *чиновник* заменяется личным местоимением *он* в грамматических формах *он* и *его*, которые, находясь на стыке двух предложений, выступают, с одной стороны, в роли заместителей имени существительного, а с другой – вводят новую информацию, т.е. маркируют переход к новой теме. Анафорическая синтаксическая связь предыдущего предложения с последующим служит смысловому развёртыванию текста: между соединяемыми предложениями создаются особые смысловые аспекты, выражающиеся цепной связью: первое и второе предложения отрывка объединены связью *вдова одного чиновника – он*; части второго предложения – связью *он – его замыслов*. Местоимения при этом являются «сигналами синсемантики» и одновременно маркируют связь с приложением, так как оно, одно или с зависимыми словами, реализуется в этих местоимениях.

В анализируемом отрывке обращают на себя внимание и контекстуальные синонимические связи (*чиновник – покойный*), и лексический повтор (*жила старушка; вдова одного чиновника; вдова вскоре нашла себя принужденною продать всё*). При таком порядке следования существительных приложение в первом предложении выступает как новое (рема), а во втором – как данное (тема). Таким образом, синонимическая связь, лексический повтор участвуют в организации структурной и семантической соотнесённости предложений, указывая на прочную и надёжную связь между ними.

Экспликатором цепной связи обособленного приложения с последующим предложением выступает местоимение *такой*. Оно способно не только замещать группу обособленного приложения, но и обобщённо передавать его семантику: *Хозяином квартиры был Иван Тимофеевич, человек скромный, тихий, молчаливый. Такой и нужен был Андрею: лишнего не сболтнёт, с разговорами не полезет* (Е. Каплинская. «Московский иллюзион»). Более того, местоимение *такой* выполняет акцентирующую функцию, ибо подчёркивает особую коммуникативную значимость группы приложения для семантики последующего предложения, маркируя тем самым обязательность приложения в рамках предложения и его способность к осуществлению межфразовых связей.

Обратимся к следующему текстовому фрагменту:

Авель (Енукидзе) любил женщин, но по робости не женился, был эстет до мозга костей, этот в прошлом железнодорожник-машинист. Он окончил среднее железнодорожное училище в Тбилиси, ездил с моим отцом Калистратом на одном паровозе. (Т. Лещенко-Сухомлина. «Долгое будущее»).

В этом тексте способность обособленного приложения к осуществлению межфразовых связей проявляется на фоне цепной местоименной связи: *железнодорожник-машинист – он*. Кроме того, к числу элементов, выражающих связь, представляется возможным отнести и наличие в тексте слов, принадлежащих к одному семантическому полю: *железнодорожник-машинист, паровоз, словосочетание железнодорожное училище*. Компоненты рассматриваемого текста обозначают разные денотаты, но имеют общие семантические показатели и способны к реализации диффузной межфразовой связи. Обособленное приложение *этот в прошлом железнодорожник-машинист* следует рассматривать как центр ассоциативно-семантического

поля, включающего ассоциаты *железнодорожное училище, паровоз*. Соотношением номинаций и реализуется внутренняя диффузная связь, которая вместе с цепной местоименной связью организует структурное и семантическое единство текста. Обособленное приложение, «факультативное», на первый взгляд, для данного предложения, может послужить основой для упоминания, обозначения, утверждения, экспликации которых служат последующие предложения.

Рассмотрим функциональную и семантическую специфику приложения в следующем текстовом фрагменте:

Автобус – полным-полна коробушка – наконец подкатил, и вся публика враз преображается. Дядька сам себя проталкивает внутрь автобуса, но навстречу лезет такой же, не менее толстый, а с улицы давят почём зря.

Автобус ковчегом, с креном на правый бок, отчаливает, дымит синими глазами... (В. Белов. «Воспитание по доктору Споку»).

Обособленное приложение *полным-полна коробушка* в приведённом отрывке включено в смысловую цепочку *автобус – полным-полна коробушка – ковчег*; автобус подкатил, а затем с креном на правый бок отчаливает, дымит синими глазами. Теснота, давка в автобусе эксплицированы предикативными конструкциями *проталкивает внутрь автобуса, лезет, с улицы давят почём зря*, на ином уровне объективирующими смысл обособленного приложения *полным-полна коробушка*. Обособленное приложение является и эмоциональным центром текста, заключая в себе субъективную оценку говорящим поясняемого слова *автобус*, отражающую отношение субъекта речи к происходящему.

Исследованный языковой материал свидетельствует о том, что показателями межфразовой связи могут служить приложения, вводимые союзами, вводными словами. Чаще всего в этой функции выступает союз *тоже*: *Еще об Устю-*

ге Валерий рассказывал – о чернении серебра. Там у него был знакомый художник, тоже строгановец, так вот они с ним, по словам Валерия, пили и ели не просто на серебре, а на штабелях серебра... (В.Крупин. «От рубля и выше»).

Семантика союза *тоже* указывает на то, что характеристика, заключенная в приложении, одновременно относится как к поясняемому слову, так и к лицу, упоминавшемуся ранее. В этом случае можно говорить о векторном значении союза *тоже*: он связывает приложение данного предложения с предыдущим высказыванием. Векторность характерна и для приложений, включенных в базовое предложение при помощи вводных слов *к счастью, к сожалению* и т.п., которые в контексте начинают функционировать в качестве своеобразных средств связи. Однако в этом случае о векторности следует говорить уже с проекцией на последующее предложение: *Интересный человек В.Сафронов, автор «Земли в цвету». У него красивая жена, к сожалению, крашеная блондинка. Это её дурнит* (Т. Лещенко-Сухомлина. «Долгое будущее»). Компонент предложения *к сожалению* включает в базовое предложение обособленное приложение, которое функционирует в качестве авторской ремарки, переключающей повествование в план оценки, комментирования. Именно обособленное приложение служит семантической базой для появления высказывания *Это её дурнит*.

Анализ фактического материала позволяет говорить о том, что приложения могут пояснять слово, отсутствующее в данном предложении. В сложившихся синтаксических условиях приложение вынуждено «искать» опорное слово в одной из предыдущих синтаксических конструкций:

Итак, она звалась Татьяной... Она ласкаться не умела К отцу, ни к матери своей; Дитя сама, в толпе детей Играть и прыгать не хотела... (А. Пушкин. «Полтава»).

кин. «Евгений Онегин»);

Обособленное приложение в приведённом примере включено в смысловую цепочку: *Татьяна – она – дитя сама*, служит своеобразным логическим обоснованием для последующих высказываний и осуществляет связь с предыдущим предложением, в котором находится поясняемое, то есть выступает как элемент, организующий связный текст.

Структурная соотнесённость предложений может также выражаться в их параллельном строении, когда предложения не сцепляются одно с другим, а сопоставляются (благодаря параллелизму конструкций). Очень часто некоторые члены соединяемых предложений (нередко первые, стоящие в начале предложения) имеют одинаковое лексическое выражение. В этом случае параллельная связь усиливается анафорой (параллельная анафорическая связь). Обратимся к примерам, раскрывающим случаи участия обособленных приложений в образовании сложных синтаксических целых посредством параллельной связи:

*Сквозь дремоту я ощущал характерное пощипывание в горле – **верный признак надвигающегося гриппа**. Ломило всё тело. Появилась нудная головная боль и сухость во рту. Поднялась температура. Я лежал на остывающей печи и тупо глядел в потолок, потом забывался, и меня окружали кошмары... Гудел в ушах, бил по темени неведомый колокол* (В. Белов. «Плотницкие рассказы»);

Приведённый отрывок текста рассматривается как «строфы с обобщающим зачином и серией параллельных анафорических предложений». В этом примере обособленное приложение входит в состав конструкции «обобщающего зачина» и, выделяясь интонационно, берёт на себя смысловую нагрузку зачина (верный признак надвигающегося гриппа), реализуясь далее в последующих параллельных предикативных конструкциях: *Ломило всё тело. Появилась нудная головная боль и су-*

хость во рту. Поднялась температура. Я ... забывался, и меня окружали кошмары... Гудел в ушах, бил по темени неведомый колокол. Таким образом, конструкции с обособленными членами либо входят в зачин и семантически раскрываются в последующих параллельных предложениях, либо входят в параллельные конструкции и служат анафорическим элементом параллелизма включающих их предложений.

Одним из способов выражения текстовых связей конструкций с обособленным приложением являются примеры парцелляции последних. Как известно, парцелляция – это такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Мысль выражается не в единой развернутой синтаксической структуре, а подается интонационно законченными частями, на письме отделенными друг от друга точкой (реже – точкой с запятой). Понимая парцеллированные конструкции как речевой вариант структуры предложения определенной модели, мы должны решать для себя проблему структурной основы предложения, что позволяет выявить основную часть и парцеллировать и воспринимать их как элементы одной языковой единицы. Под структурной основой понимается та минимальная форма, которая достаточна для образования коммуникативной единицы данного типа.

Следует отметить, что парцеллаты представляют такую категорию синтаксических конструкций, которые нельзя отнести к немотивированным примыканиям с общей смысловой атмосферой неожиданного соседства. Наоборот, это соседство мотивированное, основывающееся на семантике базового предложения, в которое входит и поясняемое слово с «подключенным» к нему парцеллированным приложением. При этом связь с основным предложением может быть оформлена союза-

ми, их аналогами, модальными словами или только интонацией: *Позвони этому Андрею, или как его там. Словом, тренеру* (Т. Лещенко-Сухомлина. «Долгое будущее»); *Ты в переписке со шведским королем. С нашим врагом* (В. Иванов. «Императрица Фике»).

В случаях использования в тексте имён существительных собственных и нарицательных с их обобщённой семантикой требуется их конкретизация, детализация. При этом своим лексическим значением данные существительные увеличивают степень интенсивности «текстового ожидания»: *Ах, он был действительно великолепен! Пришелец из неведомого мира графов, золотой молодежи, карет и дворцов* (А. Аверченко. «Три желудка»).

Нетрудно заметить, что перед нами речевые варианты определенных языковых структур. Имеет место характерный для экспрессивного синтаксиса приём расчленения посредством разделительной паузы единой структуры на интонационно обособленные отрезки, между которыми сохраняются те же отношения и те же формы связи, что и между частями соответствующей непарцеллированной конструкции.

Приложение-парцеллят, заключая в себе нечто новое, рематическое, может иметь значение уточнения, причинное или оценочное значения: *У моих ног играл маленький сын Клавдии Михайловны. Жоржик* (А. Аверченко. «Цветы под градом»).

Связь парцеллированного приложения с предшествующим интонационным отрезком проявляется в том, что парцеллят не свободен в структурном и смысловом отношении, а связан с базовым предложением и представляет собой необходимое продолжение высказанной мысли. Точка – показатель не конца предложения, а места разрыва при парцелляции с дополнительными стилистическими акцентами и смысловыми функциями.

Текстообразующие связи обособленных определений, морфологически представленных именами прилагательными

(одиночными или распространёнными), именами существительными с предлогами, причастиями, проявляются в художественном тексте благодаря тому, что слово, входящее в обособленный оборот, используется автором в последующих предложениях, обрстая новыми смыслами.

Рассмотрим несколько отрывков из рассказа И.А. Бунина «Игнат» (1912), в котором писатель показывает губительную силу страсти, обуявшей Игната, ревновавшего (и не без основания) свою жену Любку ко всем, с кем она встречалась, и жаждавшего ей отомстить, что и привело к преступным последствиям (убийство купца).

1. *И за масленицу, за эти серые дни, слегка туманившие, делавшие тусклыми сосны и ели в палисаднике, слегка кружившие голову своим теплом и праздничным чадом из труб, Игнату не раз приходилось наткаться на игру барчуков с Любкой ...*

2. *Но после полудня стало хмуро, пронзительно-сыро, опять затуманившийся, тускло посиневший палисадник застыл в дремоте... <...>*

3. *День за днём дул жестокий ветер, бледно белели поля, тускло синели, скучно напевали сосны и ели в палисаднике... <...>*

4. *Пройдя весты две по деревьям, выйдя на луг, на дорогу в гору, он (Игнат) увидел на горе знакомую усадьбу, тёмный палисадник во дворе и четыре освещённых окна за ним... <...>*

5. *Игнат... быстро дошёл до калитки на барский двор, откинул её и, согнувшись, утопая в снегу, перебежал в зеленоватый сумрак палисадника... <...>*

6. *Воздух был чист и остёр, как эфир. В густой зеленой хвое морозно неподвижного палисадника возлились проснувшиеся галки. А на западе ещё чувствовалась ночь, её тайна.*

Номинация *палисадник*, флоризмы *сосны, ели*, впервые появившиеся в тексте в составе обособленной конструкции, становятся в рассказе И.А. Бунина ком-

позиционно и семантически значимыми единицами: описание палисадника – это один из способов объективации в языке внутреннего состояния персонажа, изменения эмоционального фона повествования, способ помочь читателю в его поиске текстовых смыслов.

В первом отрывке обособленное определение (1) *дни, слегка туманившие, делавшие тусклыми сосны и ели в палисаднике* способствует передаче той атмосферы, на фоне которой росло и крепло чувство пастуха Игната к Любке, служившей в барском доме. Это чувство сродни дурману, так как Игнат не любил, а страстно желал Любку, понимая, что он её не пара.

Во втором отрывке номинация *палисадник* употребляется рядом с определениями (2) *затуманившийся, тускло посиневший*, в семантический состав которых входят семы ‘плохо различимый’, ‘холодный’, маркирующие в контексте произведения душевные переживания Игната, что передаётся также и в третьем отрывке посредством лексем *тускло, скучно*: (3) *тускло синели, скучно напевали сосны и ели в палисаднике...* Повтор однокоренных слов служит средством объективации текстообразующих возможностей обособленного определения, его участия в структурно-семантическом оформлении произведения.

Женившись на Любке, Игнат ушел служить, а вернувшись, узнал, что его жена никому не отказывала «в любви». Желая увидеть Любку, которая жила в барском доме (хозяйева уехали. – О.Ч.), Игнат направляется в усадьбу. Номинация *палисадник* вновь появляется в тексте: *Игнат с горы увидел (4) тёмный палисадник во дворе и четыре освещённых окна за ним.*

Подойдя к усадьбе, Игнат (5) перебежал в зеленоватый сумрак палисадника. Синтаксические конструкции *тёмный палисадник, сумрак палисадника* символизируют в контексте «тёмные силы»: предательство, измену жены Игната и его желание страшно отомстить ей. Не случайно именно из палисадника наблюдает, всматриваясь в окно, Игнат за действиями Любки.

Номинация *палисадник*, первый раз появившаяся в рамках обособленной конструкции, завершает рассказ: (6) *В густой зеленой хвое морозно-неподвижного палисадника возились проснувшиеся галки. А на западе ещё чувствовалась ночь, её тайна.* В единое смысловое поле отрывка входят номинации *палисадник, ночь, тайна*. Игнат убивает купца и вместе с Любкой грабит его.

Исследование языкового материала доказывает, что обособленные определения заключают в себе новое знание, которое и движет сообщение вперед по тексту. «Последовательное развёртывание и смена смысловых контекстов дают общее семантическое развитие текста, в канве которого частные проявления механизма актуализации «врастают» в актуально-смысловое целое» [4: 61].

Вхождение в текстообразование всегда сопряжено с охватом единиц механизмом актуализации, в результате чего значительно возрастает их иллюкутивная стоимость на фоне складывающихся контекстов. Основной принцип языка художественной литературы в области синтаксической связи предложений – это стремление автора сделать синтаксическую связь неявной, не столь открытой, как это можно наблюдать в научной речи, что обусловлено эстетическими задачами художника слова.

Примечания:

1. Шхапацева М.Х., Уракова Ф.К. Взаимодействие синтаксических единиц в оформлении микротекста и связной речи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 3. С. 112-117.
2. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой

- сферы творческой языковой личности: монография. Армавир: РИО АГПА, 2013. 236 с.
3. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М.: Высш. шк., 1973. 214 с.
 4. Четверикова О.В. Приложение в структуре простого предложения: учеб. пособие к спецкурсу. Армавир: РИЦ АГПИ, 2000. 67 с.

References:

1. Shkhatseva M.Kh., Urakova F.K. The interaction of syntactic units in the design of micro text and coherent speech // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2013. V. 3. P. 112-117.
2. Chetverikova O.V. Signs of authorship as a means of verbal manifestation of semantic sphere of creative linguistic personality: a monograph. Armavir: RIO AGPA, 2013. 236 pp.
3. Solganik G.Ya. Syntax Stylistics (complex syntactic unity). M.: Vyssh. shk. 1973. 214 pp.
4. Chetverikova O.V. Apposition in the structure of a simple sentence: a textbook for the special course. Armavir: RITs AGPI, 2000. 67 pp.